

На солнцѣ, небѣ и лунѣ;
 Преображаюсь въ полубога,
 Сужу рѣшительно и строго
 Мірскія бредни, цѣлый міръ,
 Дарую счастье миллионамъ...

И между тѣмъ, пока мой пиръ
 Воздушный, легкій и духовный
 Приемлетъ всю свою красу,
 И я себя перенесу
 Гораздо дальше подмосковной, —
 Плыва, какъ лебедь, въ небесахъ,
 Луна сребритъ сѣдыя тучи;
 Полночный вѣтеръ на кустахъ
 Едва колыхетъ листь зыбучій;
 И въ тишинѣ вокругъ меня
 Мелькаютъ тѣни проходящихъ,
 Какъ тѣни пасмурнаго дня,
 Какъ проблески огней блудящихъ.

НА СМЕРТЬ ТЕМИРЫ.

Быстро, быстро пролетаетъ
 Время нашъ подлунный свѣтъ,
 Все разить и сокрушаетъ,
 И ему препятствій нѣтъ.
 Ахъ, давно-ль весна золотая
 Расцвѣтала на поляхъ?
 Часъ пробилъ—зима сѣдая
 Мчится въ вихряхъ и снѣгахъ!
 Лишь возникла юна роза,
 Развернула стебельки—
 Дуновеніемъ мороза
 Опустилися листки.
 Такъ и ты, моя Темира,
 Нѣжный другъ души моей,
 Бывъ красой недавно міра,
 Вдругъ увяла въ цвѣтѣхъ дней!
 Лишь блеснула, какъ явленіе,
 И сокрылася опять...
 Ахъ, одно мнѣ утѣшеніе—
 О тебѣ вспоминать.